

УНИВЕРСАЛИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Н. Н. Алеврас

ПРЕДМЕТ ИСТОРИОГРАФИИ: ВЕРСИИ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Проблема определения предметной области того или иного знания, составляя область теоретических и науковедческих вопросов, всегда рассматривалась в ряду особо значимых для дисциплинарной самоидентификации. Она выразительно актуализируется в периоды различных политических, социокультурных, научных трансформаций. Это происходит и в результате парадигмальных поворотов, и в процессе научно-дисциплинарной дифференциации, и в ходе размывания границ отраслей знания и научных дисциплин. Научные задачи нашего времени, обращенные к проблемам междисциплинарных взаимодействий, являются важным симптомом, свидетельствующим, наряду с другими признаками, о том, что мы входим (или уже вошли) в новую научную эпоху. В отличие от ведущей тенденции предыдущего времени — XIX и большей части XX в. — новый вектор научной институализации противостоит прежней устремленности гуманитарных наук к самоорганизации и самоструктурированию: процесс дифференциации гуманитарного знания сменился на тенденцию интеграционного свойства. Авторы современного учебного пособия по истории исторического знания подчеркнули этот момент: «История и содержательно, и по форме рождалась в интегральном взаимодействии с иными сферами изучения действительности: ... конституировавшись в качестве особой дисциплины, она вновь оказалась включена в систему междисциплинарного взаимодействия»¹.

В этой новой ситуации в исторической науке складывается оригинальный для нее набор условий, требующий пересмотра ее облика и предмета. Историографу при этом важно уяснить смысл подобных трансформаций, чтобы понять историю этих «пересмотров» и идентифицировать одновременно свою позицию для переосмысления предмета историографии.

В основе дисциплинарной трансформации лежит так называемый антропологический поворот, охвативший гуманитарно-обществоведческую систему знаний. Историческая наука со своей сложной дисциплинарной структурой и научными задачами тотального погружения в жизненные миры человека прошлых эпох активно вошла в этот процесс, став, вероятно, лидером междисциплинарного подхода в системе гуманитарных дисциплин.

Эти явления неминуемо поставили перед всей исторической наукой и каждой ее дисциплинарной составляющей вопросы, требующие корректировки их предметных пространств. Историография как специальная область историко-рефлексивного знания одной из первых почувствовала эту задачу, поскольку синтезирует в своей основе весь опыт историознания. Ситуация побуждает историографов к переосмыслению своего понимания предмета историографии. Вполне понятны в этой связи и призывы к «переформулировке» образа историографии, и резюмирующие наблюдения относительно современной ситуации: «... в настоящее время история как наука переживает один из самых сложных и напряженных периодов — она находится в состоянии переопределения предмета, методов и содержания...»² Эти наблюдения и суждения соотносятся с мнением относительно перспектив развития интеллектуальной истории, с которой у историографии самые близкие междисциплинарные взаимоотношения: «Переосмысление теоретических, критических и аксиологических оснований интеллектуальной истории приводит к существенному расширению ее проблемного поля». Автор цитаты далее детализирует систему вопросов, которые, на ее взгляд, следует сформулировать в целях конструирования социально-культурного контекста интеллектуальной истории³.

Ясно, что предмет любой научной области, в том числе историографии, не является вечной константой. Очертания и конфигу-

рация его границ имеют очевидную тенденцию к расширению, новому смысловому наполнению и изменению сущностных характеристик. Не случайно в лексике ученых все чаще используется понятие «предметное поле/пространство науки», подразумевающее внушительные масштабы и процесс диверсификации объектов, в данном случае — историографического изучения. Конфигурация и «размеры» предметного пространства историографии являются одновременно и результатом отмеченного интегрального взаимодействия исторического знания с другими сферами, обращенными к познанию социального.

Поскольку в центре внимания историографа оказывается личность творца исторического знания, то не последнюю роль в «предметном» комплексе играют поведенческие стратегии человека-ученого и социокультурные ориентации социума, органической частью которого он является. Субъективный фактор в истории исторической науки все больше привлекает внимание ученых, так как индивидуальное научное творчество, персональная судьба историка и его наследия, характер системы его межличностных отношений позволяют развернуть взгляд историографа в глубины творческого процесса. Вследствие этого в предметное поле историографии настойчиво входит «бытийная» составляющая научной жизни («историографический быт»), включающая многообразные практики и поведенческие стратегии историко-научного сообщества на ниве его движений к достижению научного результата — нового исторического знания. Но интересующая историографа жизнь историка немислима без проникновения в социокультурный контекст его деятельности. Поэтому внимание современных исследователей перемещается от «жизни» к «миру» историка. Подчеркнутые метафорически выраженные аспекты историографического интереса означают рост масштабов контекста, в границах которого познается творческий процесс, связанный с продуцированием исторического знания. Меняющиеся ориентиры в области выбора объектов изучения на дисциплинарном уровне неминуемо ставят вопрос об изменении представлений относительно предметной области историографии.

Научное движение в данном направлении (уяснение предмета историографии) в отечественной науке, как известно, обозначилось со второй половины XIX в. и стало особенно заметным на рубеже XIX—XX вв., выразившись в историографических идеях В. О. Ключевского, М. О. Кояловича, В. С. Иконникова, П. Н. Миллюкова, А. С. Лаппо-Данилевского и др.⁴

В советской науке проблема предмета историографии наиболее интенсивно обсуждалась во второй половине 1950-х — начале 1980-х гг.⁵ Правда, поиски оптимальной дефиниции велись в характерном для этого времени отрыве от процессов методологического обновления исторического знания зарубежной историографии, а также при сохранении большой дистанции от историографического опыта российских дореволюционных историков. Не вдаваясь в детали достаточно известной истории выработки позиции историографов данного периода в понимании сущности и предмета историографии, зафиксируем ее основные моменты, необходимые для того, чтобы разместить в пространстве имеющихся подходов к проблеме взгляды современных историографов.

Вопрос о предмете историографии приобрел злободневность в связи с изданием и обсуждением «Очерков истории исторической науки» (1955—1985) и последовавших дискуссий о преподавании и периодизации историографии. Он получил выражение в трех основных идеях/образах относительно понимания смысла предметного своеобразия историографии. Лаконично их можно зафиксировать в виде представлений об историографии как истории исторической мысли (1955), истории исторической науки (1960-е — начало 1980-х гг.), истории исторического знания (1960—1970-е гг.). Они прочно вошли в восприятие историографов при попытках воспроизвести историю проблемы. В современных исследованиях нередко первая трактовка историографии объединяется с третьей, означая знак тождества между ними, в силу чего выделяется два основных подхода в понимании смысла историографии — как истории исторической мысли и истории исторической науки⁶. Представляется, однако, что все приведенные обозначения историографии, строго говоря, не являются определениями (или версиями определений) ее предмета. Они лишь фик-

сируют ведущую тенденцию, стратегическую линию, курс, которым должна следовать данная область исторического знания. Каждое из этих обозначений требует, на мой взгляд, своей «расшифровки», и только результат этой процедуры относительно каждого из них, вероятно, может рассматриваться как одна из версий определения предмета историографии.

Первый тип восприятия образа историографии восходит к пространной дефиниции предмета историографии, выраженной в предисловии к 1-му тому «Очерков». В нем в духе своего времени в предметном поле историографии очерчивалась «прогрессивная» историческая мысль в ее революционно-демократическом и марксистском выражении. Классовая и партийно-политическая подоплека такого понимания историографии явно суживала и ограничивала ее предметное пространство, задавая откровенно идеологизированный подтекст историографическому знанию и отодвигая профессиональное историческое знание на периферию внимания.

Сначала в ненавязчивой форме Н. Л. Рубинштейн (1941)⁷, носитель наследия дореволюционной историографии, потом Л. В. Черепнин (1957), затем более выразительно М. В. Нечкина (1965) и А. М. Сахаров (1977) стали формировать образ историографии как истории исторической науки⁸. Внимание историографов того времени, при известных оговорках относительно приверженности их принципам марксистской методологии (освещению взглядов представителей «прогрессивной» мысли и «классиков марксизма-ленинизма»), стало сосредоточиваться на области профессионального исторического знания. Это являлось положительной тенденцией на фоне идеологически заданной трактовки того времени истории исторической мысли. Задержим внимание на этом подходе, поскольку он оказался наиболее долговременным, во многом сохранившим свои позиции и в современной историографии.

С момента его появления параллельно отмеченной лаконичной формуле стало складываться представление о сложном характере содержания предметного поля историографии и его изменчивости⁹. Если точнее, то речь шла о попытках структурировать понятие «история исторической науки» на основе вычленения в нем составных элементов («факторов»). Среди всех составляю-

щих — источниковая база, проблематика, мировоззренческие позиции, методология, институциональные основания науки — главным признавалась *концепция* историка. Отражая характерный подход советской науки, известный историограф А. М. Сахаров подчеркивал: «Концепция... ведущий фактор в истории науки, ибо именно в осмыслении исторических процессов и явлений, в раскрытии их закономерностей заключается задача научного познания истории»¹⁰. Позиция автора нашла подкрепление в его учебном пособии по историографии¹¹. Целый ряд научных конференций историографического профиля, организованных в 1970-х — начале 1980-х гг., выдвинули на обсуждение серию проблем теории историографии и практики историографических исследований. Постепенно сформировалось представление об институциональной инфраструктуре исторической науки, вырабатывалось представление об историографическом источнике и историографическом факте, что корректировало представление о предмете историографии. Несомненно, этот научный процесс стимулировал в целом развитие не только данной дисциплинарной области, но содействовал разработке общих вопросов теории и методологии исторического познания.

Однако с позиций современной науки предложенное понимание основного смысла предмета и задач историографии с известным акцентом в область концептуальных построений вряд ли может устроить историографа, ориентированного на новые методологические стратегии. Можно заметить, что даже в рассматриваемый период советской науки формировалось убеждение в узости «концептуального» подхода в понимании основного смысла предмета историографии. М. В. Нечкина, подводя итоги одного из обсуждений методологических проблем истории исторической науки и согласившись, что историческая концепция — это важное историографическое явление и «значительный объект историографического изучения», лаконично заметила в то же время: «Но она (концепция. — Н. А.) далеко не единственная проблема истории исторической науки»¹².

Параллельно выше обозначенному пониманию предмета историографии во второй половине XX в. в отечественной науке скла-

дывался еще один подход к формулированию представлений о дисциплинарной сущности историографии. В серии исследований 1960-х гг. (в статьях Л. В. Черепнина, А. Л. Шапира, С. О. Шмидта и др.), обсуждавших структуру учебного курса историографии, периодизацию истории исторической науки и другие проблемы, возникла мысль о том, что историограф должен представлять свой предмет как историю исторических знаний. Тонкий нюанс отличия от предыдущих определений состоял в новаторском призыве расширить диапазон предметного пространства историографии в результате обращения не только к профессиональному опыту изучения истории, но и к социокультурным практикам восприятия как самого прошлого, так и знания о нем.

Особенно интересны тогдашние идеи С. О. Шмидта, и сегодня не потерявшие актуальности. Он считает, что предмет историографии включает не только формирование исторических взглядов, развитие исторической мысли, творческий процесс в науке, но и историю распространения и проникновения исторических знаний в социальную среду, шире — в культуру. «Уровень развития исторической науки определяется не только числом историков и исторических работ, но и числом читателей и слушателей, не только накоплением исторических знаний, но и интересом общества к их восприятию», — писал в свое время ученый¹³.

Такого рода подход не остался незамеченным. Появились попытки реализовать его в практике историографических или близких по жанру исследований¹⁴, но широкого распространения и теоретического развития он в тот период не получил. В историографии того времени было признано неоправданным расширение предмета историографии за пределы сугубо научных задач, отечественная наука ограничилась пониманием предмета и общего содержания историографии как истории исторической науки с набором отмеченных компонентов.

Однако с конца XX в. восприятие историографии как истории исторической науки постепенно разнообразится либо различающимися оттенками понимания ее смысла, либо совершенно новыми вкраплениями в содержание предмета, что в совокупности может рассматриваться как предтеча очередных подступов к пересмотру

стратегически важной для любой дисциплинарной области проблемы предметного пространства. В начале XXI в. стали очевидными более серьезные шаги в переосмыслении предмета историографии. Они уже нацелены на конструктивную деформацию всех прежних представлений определений и ориентированы на иные ценностные установки в решении данной проблемы¹⁵.

Остается вопрос, насколько отечественный опыт восприятия содержания предметного пространства и дисциплинарного смысла историографии сохраняет актуальность в современной науке. В настоящее время, на наш взгляд, просматривается несколько основных тенденций, отражающих различные подходы к проблеме или оттенки представлений о содержании и структуре предметного поля историографии. Эти тенденции (мы насчитали не менее четырех линий их проявлений, дав им условные обозначения) демонстрируют погружение историографов (с различной степенью глубины) в процесс осмысления наследия русской дореволюционной и советской науки и апеллируют к идеям необходимости обновления историографического знания относительно понимания предмета историографии.

Одна из подразумеваемых современных тенденций, назовем ее «традиционной», формально дистанцируясь от «марксистских» догматов, апеллирует к формуле «история исторической науки», в значительной мере сохраняя позиции, близкие к пониманию предмета историографии, сформулированному в 60-е — начале 80-х гг. XX в.

Вторая тенденция, принципиально критическая в отношении к отечественной историографической мысли XX в., нацелена на существенное уточнение предметного поля и в этой связи корректировку/расшифровку ставшего традиционным понятия «история исторической науки» с учетом инновационных, социокультурных по смыслу, подходов к процессу получения и осмысления исторического знания. Назовем ее «социокультурной».

Третья тенденция связана с возрождением идеи об историографии как истории исторического знания и акцентирует внимание на актуальность изучения исторического знания в глубоком социокультурном контексте. Она может быть обозначена как «кон-

текстуальная». Нельзя не заметить, что образ историографии как истории исторического знания прошел наиболее долгий путь до своего признания и лишь в начале XXI в. приобретет значение обновленной стратегической ориентации в переосмыслении предметной области историографии.

Наконец, четвертая тенденция выражает наиболее радикальную идею необходимости расставания с прежним методологическим опытом отечественной историографии — и советским, и, по логике заявленного подхода, дореволюционным. Эта тенденция, определяемая нами как «трансформационная», фактически демонстрирует отказ от опоры на понятие «история исторической науки», как уже не выражающего смысла предметного поля современной историографии.

Первую из отмеченных тенденций — традиционную — наиболее выразительно, на наш взгляд, представляет содержание современного учебника по историографии¹⁶. В разделе, посвященном предмету историографии, его автор А. В. Клименко ограничивается лаконичным суждением по этому поводу: историография изучает «процесс развития исторической науки и его закономерности». Фокусируя внимание на профессиональной историографии, смежный круг аспектов, связанных с восприятием исторического знания общественной средой («изучение исторических взглядов писателей, живописцев, архитекторов и других деятелей культуры, осваивавших прошлое в форме художественных образов») и возможностью включения их в предметное пространство историографии, он относит к «спорным вопросам»¹⁷. Одновременно автор утверждает, что «большинство современных историографов в вопросе об определении предмета собственной науки разделяют позицию, в наиболее полном виде сформулированную в трудах А. М. Сахарова»¹⁸.

При всем признании достижений отечественной историографической мысли в 60—70-е гг. XX в. и персонального вклада в этот процесс виднейших ее представителей нельзя не усомниться в правомерности упрощенных характеристик и определений, предложенных в учебной книге, адресованной молодому поколению историков-профессионалов, входящих в XXI в. Даже если ис-

ключить из предметного поля историографии сомнительные для автора интеллектуальные феномены в виде представлений социокультурной среды о прошлом человечества и сосредоточить взгляд на профессиональной исторической науке, то и в этом случае можно говорить, что создатели учебной книги прошли мимо многих историографических идей и разработок последних десятилетий. Из учебника студенты не узнают, что в поле активного творческого переосмысления задач историографии (а значит, и ее предметной области) оказываются и система научных коммуникаций историков, и пространство межличностных отношений и научной повседневности, обозначаемое понятием «историографический быт», и проблемы историописания, выходящие в область изучения типов исторических нарративов. И это только часть того, что можно было бы, опираясь на опыт современной историографии, культурной, интеллектуальной истории и науковедения, включить в предмет данной области знания.

Не вдаваясь в данном случае в детали современных историографических идей, что отвлекло бы нас от главной задачи, отмечу: принципиально важный процесс обновления историографического знания не затронул внимания авторов упомянутого учебника, что привело лишь к воспроизведению в нем теоретических идей в области историографии и понимания ее предмета более чем 30-летней давности. Поэтому в центре внимания вводной главы учебника оказываются задачи, принципы и методы историографии, не выходящие за пределы представлений о концепции как приоритетном компоненте ее предметной области¹⁹.

Вторая — социкультурная — тенденция является, вероятно, наиболее представительной. Она, продолжив историографическую линию дореволюционной науки, наиболее выразительно, на мой взгляд, представлена идеями и трудами ученых омской историографической школы²⁰, найдя признание и поддержку в широкой среде историографов столичных и различных региональных центров. Позиция выразителей данной тенденции может быть одновременно обозначена как критическая вследствие того, что, опираясь на традиционное определение предмета историографии как истории исторической науки, ее представители нацелены на обо-

гащение и обновление предмета историографии. В рамках этой тенденции одновременно просматриваются возрожденческие настроения в стремлении максимально освоить утраченный в советский период методологический опыт понимания предмета и задач историографии дореволюционной наукой.

Еще в 1995 г. В. П. Корзун определяла стратегию историографического сообщества своеобразным лозунгом — «от сциентизма к историко-культурным исследованиям». Опираясь на лучшие традиции отечественной историографической науки, ею был сделан вывод об оформлении подхода, рассматривающего историографические исследования как явления культуры. В связи с этим была поставлена «проблема жизни исторической концепции в историко-культурной среде»²¹.

В начале XXI в., заявляя свое историографическое кредо, омские историографы ориентируются на «междисциплинарное поле» в понимании предмета историографии. Корректируя старый советский подход, они подчеркивают, что «историограф интересуется не только та или иная историческая концепция на “выходе”, но и индивидуально-личностная ее компонента, процесс ее создания, распространения, влияния и судьбы». Науковедческая практика убеждает в актуальности изучения «активной творческой личности», развития интереса к «личностному миру научных сообществ и нормативных регулирующих ценностей внутри них»²².

Представители данной тенденции, сохраняя верность взгляду на историографию как историю исторической науки, предлагают процесс развития науки рассматривать в контексте всего многообразия взаимовлияний, которые складываются между научным сообществом и социокультурной средой. Издаваемый омскими историографами серийный сборник «Мир историка»²³, само название которого демонстрирует стратегию на социокультурный характер и широту постановки и понимания целей, задач, предмета историографии, демонстрирует процесс совершающегося перехода к новому образу данной области историко-гуманитарного знания.

Третья тенденция — контекстуальная — наиболее выразительно воплотилась в цитированном уже учебном пособии для вузов по истории исторического знания. Его авторы, возрождая

взгляд на смысл научно-дисциплинарной сущности историографии в различных проявлениях и модификациях исторического знания, также определяют ее предмет с учетом не только сугубо научной, но и культурной функции, которую выполняет историческая наука. По их мнению, «историческое знание не является ныне и никогда не было ранее, с момента своего становления, феноменом чисто академическим или интеллектуальным»²⁴. Историческое знание выводится за границы профессионального опыта и рассматривается как феномен социальной природы, представляя «функционально важный элемент социальной памяти»²⁵. При этом специально подчеркивается, что в системе современных представлений о задачах и функциях исторического знания «на второй план отходит так называемая проблемная историография, акцент переносится на изучение функционирования и трансформации исторического знания в социокультурном контексте»²⁶. Это утверждение представляется весьма симптоматичным. Ведь проблемная историография сформировалась в виде отдельного историографического жанра под прямым воздействием понимания предмета историографии, характерного для советской науки 1950—1970-х гг. Заданный в то время концептуальный акцент в качестве приоритетной ориентации историографических исследований сыграл своего рода провоцирующую роль в появлении специфической историографической культуры, научная идеология которой отодвинула на периферию внимания мощный пласт проблем существования исторической науки в социокультурном пространстве.

Заявленный авторами «Истории исторического знания» подход не только актуализирует известную в прошлом идею, но обогащает ее современным видением генезиса исторического знания и пониманием его смысла как интеграционного явления. Историческое знание как предмет изучения историографии, будучи выведенным за пределы границ академической науки, истолковывается в качестве ценностной категории синтетической природы. Оно воспринимается как некий результат взаимодействия научной мысли и культурных потребностей общества, интенций человека и социума. Обращение к историческому сознанию, исторической памяти, опыту прошлого позволило предложить оригинальное определение предмета заявленного учебного курса в виде формулы: «исто-

рия как процесс познания прошлого»²⁷. То есть познание прошлого происходит на основе потенциала всей человеческой культуры в ее исторической протяженности и всего многообразия инструментов восприятия и выражения его человеком.

Подобное понимание предметного поля истории исторического знания определяет функцию познания прошлого в качестве органического элемента движения истории. При таком ракурсе и масштабе взгляда на процесс познания истории обращение к исторической концепции, как некогда признаваемом узлом componente предмета историографии, окончательно теряет доминирующий характер в стратегиях историографических исследований, что, конечно, не исключает познавательной ценности специального обращения к концепции, как системе взглядов, при любом из отмеченных подходов. Предметное поле историографии в рамках рассматриваемой тенденции существенно расширяется за счет «втягивания» в свои границы *безбрежного* опыта исторической жизни.

Отмеченное выше, с одной стороны, является причиной сохранения настороженного отношения к данному подходу. С другой стороны, при опоре на него заставляет думать над вопросами нового структурирования предметного поля историографии и корректировки определения ее целевых установок. При несомненной привлекательности данного подхода его реализация может потребовать существенного обновления содержания и методов историографии как учебной дисциплины.

Тенденция, обозначенная нами как *т р а н с ф о р м а ц и о н н а я* в понимании предмета историографии, возникла в рамках той же атмосферы научного и социокультурного обновления, породившего и две предыдущие тенденции. Более того, эта тенденция генетически связана с двумя первыми: все они опираются на антропологические ориентации восприятия истории, для всех характерно погружение в социокультурный контекст эпохи при изучении процессов развития исторической науки и исторического знания. Вместе с тем данная тенденция особым образом акцентирует внимание на явлении/понятии «историческая память». Исходя из мысли об актуальности для социума и каждого индивида формирования представлений о прошлом и ценностного к нему отношения, выра-

зители этой тенденции наиболее решительно занимают антисциентистскую позицию. Наиболее определенно в отечественной науке ее заявил А. В. Антощенко²⁸. Апеллируя к коммуникации «историк — читатель» и явлению исторического сознания, он отвергает традиционное восприятие историографии как истории исторической науки вместе с идеей концепции как центрального элемента предмета историографии. Ведущее место в историографических исследованиях, по мысли историографа, «занимает не понятие “концепция”, а понятие “историческая память”»²⁹. Явное пересечение ценностных установок в понимании им предмета историографии с некоторыми заявлениями авторов курса «История исторического знания» несколько смещается при дальнейшем уточнении А. В. Антощенко своего понимания основной цели историографии.

В попытках очертить сущностное пространство предмета историографии, автор обращается к типологии исторического нарратива Й. Рюзена. Смена типов исторических нарративов³⁰, происходящая под воздействием трансформации социокультурных ценностей, является, считает вслед за Й. Рюзеном А. В. Антощенко, показателем процесса изменения в обществе и науке представлений о прошедшей реальности и одновременно выражением перехода от одной познавательной парадигмы к другой.

Исходя из этой логики рассуждений, автор предлагает апробировать новую версию понимания предмета историографии: «Предмет историографии может быть определен как изменение отношения к прошлому в процессе исторического познания, выражающееся в смене видов или типов исторических нарративов»³¹.

Авторское обоснование данного определения исходит из двух основных аргументов: оно включает все этапы (в том числе — донаучный) и формы (в том числе — ненаучные) исторического знания; оно учитывает «изменение эталона научности»³², происходящее со сменой парадигмальных поворотов. Данное определение и его аргументация уводят предмет историографии из области, безраздельно принадлежавшей профессиональным историкам. Предметное пространство этой научной дисциплины предлагается располагать, как можно понять, на пограничье знаний — научных и ненаучных (обыденных), исторических и неисторических.

Данное определение выразительно подчеркивает неизбежную реальность: невозможно выработать определение предмета науки на все времена. Научно-дисциплинарные параметры предметной области, устанавливаемые в тот или иной момент, всегда являются выражением научных представлений определенного исторического времени. Поэтому сама по себе попытка понимать под предметом «изменение отношения к прошлому» (выделено нами. — Н. А.) представляется оригинальной позицией в опыте выработки дефиниций. Но, с другой стороны, сосредоточение внимания на характере исторического нарратива, как узловой компоненты предмета историографии, отвлекает от некоторых других аспектов историографии, составляющих ее предметное пространство.

Отмеченное «родство» трех последних из отмеченных тенденций в понимании предмета историографии может свидетельствовать о преобладании позиции, нацеленной на поиск оптимальных решений проблемы обновления предмета историографии, осуществляемого с учетом инновационных представлений антропологической природы о смысле теоретико-методологических оснований современной исторической науки. Придерживаясь подобной позиции, можно констатировать, что процесс конструирования предметного поля историографии испытывает некоторое напряжение внутренней конкуренции единомышленников, выраженной акцентуацией различающихся приоритетных идей, положенных в основу каждой из рассмотренных версий предмета историографии, при сохранении общей идейной платформы исходных позиций.

Завершая рассмотрение различных толкований выдвинутой проблемы, представляется своевременной постановка вопроса о структурировании пространства предмета историографии. Можно ли его представлять в виде простой совокупности элементов, что выражает несколько механистический подход? Если же предметное поле имеет сложную природу, не являясь простым соединением элементов, увеличение которых ведет к его «расширению» (до каких пределов?), то, возможно, оно представляет некое органическое, «многослойное» целое. Предмет историографии можно представить в качестве многоярусной конструкции, ядро которой составляет профессиональная историческая культура, которая впи-

сывается в контекстные «круги» общего научного знания, социальных, политических, экономических, общекультурных, повседневно-бытовых и других процессов жизни социума.

Предметное пространство историографии, будучи системным явлением, имеет сложное (не механическое, а органическое по типу) соподчинение структурных элементов. Что можно рассматривать в качестве его объединяющего начала? Идти ли по пути его фрагментации на элементы (факторы), как это делали в советской историографии 1960—1980-х гг.? Или опираться на идею контекста, закладывая «контекстуальный» подход? На мой взгляд, «контекстуальный» характер имеет конструкт «историографический быт»³³. Может быть, он мог бы стать некой опорой в решении проблемы? Ведь «историографический быт» — это не отдельный элемент историографической культуры. Это целостный «организм», который «дышит» и «живет». В его основе процессы самоидентификации ученого и самоорганизации научной жизни сообщества историков, находящиеся в тесной связи с социокультурной средой.

Поле науки испещрено вопросами к самим себе. Будем искать ответы...

¹ Ретина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания : учеб. пособие для вузов. М., 2004. С. 5.

² Корзун В. П., Рыженко В. Г. Поиск образа историографии в современном интеллектуальном пространстве (размышления над учебным пособием Л. П. Репиной, В. В. Зверевой, М. Ю. Парамоновой «История исторического знания») // Мир Клио : сб. статей в честь Лорины Петровны Репиной. М., 2007. Т. 2. С. 269.

³ Ретина Л. П. Контексты интеллектуальной истории // Диалог со временем : альм. интеллект. истории. М., 2008. Вып. 25/1. С. 10—11.

⁴ См.: Киреева Р. А. В. О. Ключевский как историк исторической науки. М., 1966; *Ее же*. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., 1983; Корзун В. П. Институциональное оформление историографии как специальной исторической дисциплины // Очерки истории отечественной исторической науки XX века : монография / под ред. В. П. Корзуна. Омск, 2005.

⁵ См., например: Нечкина М. В. История истории // История и историки. М., 1965; Сахаров А. М. Некоторые вопросы методологии историографических исследований // Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1977; Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки : межвуз. темат. сб. Калинин; 1980; и др.

⁶ См., например: *Корзун В. П., Рыженко В. Г.* Указ. соч. С. 267—270.

⁷ См.: *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. [М., 1941] / под ред. А. Ю. Дворниченко, Ю. В. Кривошеева, М. В. Мандрик. СПб., 2008. С. 3, 6, 12.

⁸ Но еще Р. А. Киреевой было показано, что уже дореволюционные российские историографы, при всей незавершенности разработок их идей, воспринимали историографию как «историю истории», или историю исторической науки. См.: *Киреева Р. А.* Изучение отечественной историографии в дореволюционной России... С. 74—97. Так что советской науке, оставившей в забвении многие наблюдения и выводы историографов «старой школы», пришлось, некоторым образом, «открывать велосипед».

⁹ См., например, рассуждения А. М. Сахарова о «постоянном движении» и «расширении» предмета истории исторической науки: *Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки.* С. 79.

¹⁰ *Сахаров А. М.* Некоторые вопросы методологии историографических исследований. С. 56.

¹¹ См.: *Сахаров А. М.* Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978. С. 12—15.

¹² *Нечкина М. В.* Послесловие // *Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки.* С. 133.

¹³ *Шмидт С. О.* О предмете советской историографии и некоторых принципах ее периодизации // *История СССР.* 1962. № 1. С. 94.

¹⁴ См., например: *Мавродин В. В.* Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. Восстание Пугачева. М., 1961. Книга представляет часть коллективной трехтомной монографии о Крестьянской войне, выполняя в этом издании историографическую функцию. Автор исследовал не только исторические труды по теме, но проследил отражение этого события в художественной литературе, фольклоре, искусстве и других областях культуры.

¹⁵ *Черепнин Л. В.* Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 1968; *Нечкина М. В.* Функция художественного образа : сб. работ. М., 1982.

¹⁶ См.: *Историография истории России до 1917 года : учебник для высш. учеб. заведений : в 2 т. / под ред. М. Ю. Лачаевой.* М., 2003. Т. 1.

¹⁷ Там же. С. 17.

¹⁸ Там же. С. 16.

¹⁹ См.: Там же. С. 19—25.

²⁰ См., например: *Бычков С. П., Корзун В. П.* Введение в историографию отечественной истории XX в. : учеб. пособие. Омск, 2001; *Корзун В. П.* Образы исторической науки на рубеже XIX—XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Екатеринбург ; Омск, 2000. Об историографических школах, в том числе омской, см.: *Алеврас Н. Н.* Историографическая конференция в контексте научных традиций историографических школ // *Урал. ист. вестн.* № 1(18). Екатеринбург, 2008. С. 103—110.

²¹ *Корзун В. П.* Отечественное историографическое сообщество: от сциентизма к историко-культурным исследованиям // *Российская культура: модернизационные опыты и судьба научных сообществ.* Омск, 1995. С. 157—159.

²² Бычков С. П., Корзун В. П. Указ. соч. С. 8—9.

²³ См.: Мир историка : историогр. сб. Омск, 2005—2008. Вып. 1—4. Инициатором и редактором выступает В. П. Корзун при активном содействии других омских историографов.

²⁴ См.: Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. Указ. соч. С. 5.

²⁵ Там же. С. 5—6.

²⁶ Там же. С. 3.

²⁷ Там же. С. 10.

²⁸ См.: Антощенко А. В. К новому пониманию предмета историографии // Пути познания истории России: новые подходы и интерпретации. М., 2001. Вып. 20; Сборник материалов по отечественной историографии (вторая треть XIX века) : учеб. пособие / сост., вступ. ст., коммент. А. В. Антощенко, Т. Н. Жуковской. Петрозаводск, 2001. С. 8; Антощенко А. В. «Евразия» или «Святая Русь»? (Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории). Петрозаводск, 2003. С. 74—75.

²⁹ Сборник материалов по отечественной историографии... С. 8.

³⁰ Автор рассматривает «исторический нарратив как форму получения и представления читателям определенным образом осмысленного знания, т. е. он выступает как оформление процесса исторического познания». См.: Антощенко А. В. К новому пониманию предмета историографии. С. 7.

³¹ Антощенко А. В. К новому пониманию предмета историографии. С. 8; *Его же*. «Евразия» или «Святая Русь»? С. 74.

³² Антощенко А. В. К новому пониманию предмета историографии. С. 9.

³³ См.: Алеврас Н. Н. И снова про предмет историографии (трансформация предметного пространства и категория «историографический быт») // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век : материалы междунар. науч. конф. М., 2008. С. 238—240.

И. В. Побережников

ПАРАЛЛЕЛИ В ЭВОЛЮЦИИ ТЕОРИЙ МАКРОИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ

Процесс развития естественных наук, согласно концепции Т. С. Куна¹, имеет неравномерный, прерывный, революционный характер, включает чередующиеся фазы равновесия (рутинной «нормальной» науки) и «научных революций», т. е. смены парадигм (принятых научным сообществом моделей вывода знания). Смена